



Татьяна Штаб

Маленькая проза

рассказы

Татьяна Штаб

Маленькая проза. рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30081553

ISBN 9785447484613

Аннотация

Первая строка, как первая любовь, еще не судьба. Моими героями становятся люди – мои современники, само общество, Время, с его надеждами и чаяниями, с его болями и радостями. Меня влечет туда, где трудно и страшно, где радостно и светло, и стало легче на душе, когда увидела здесь тех, о ком хотела рассказать.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Похороны, или Банька по-черному | 5 |
| Логарифмическая линейка | 9 |
| Часики | 13 |
| Валенки | 17 |
| День дурака | 20 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 22 |

Маленькая проза
рассказы
Татьяна Штаб

© Татьяна Штаб, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Похороны, или Банька по-черному

В соседнем подъезде дома похороны. Умер Федор Силачев. Мужик пожилой – по тем меркам, что в селе механизаторы обычно дотягивают до шестидесяти. Как ни как, семьдесят шесть. « Дай бог каждому», – констатируют старухи у гроба.

Пришла проводить в последний путь к выносу, и сразу замелькали картинки из жизни мало знакомого человека: вот сидит Федор на лавочке возле дома, угрюмый и невеселый, с округлившимся животом, на котором покоятся натруженные тяжелой работой руки. А по молодости-то был ого-го! У баб одиноких нарасхват. Но прижился он у Валентины, красивой бухгалтерши, которая забрала Федора к себе в благоустроенную однокомнатную квартирку, и Валина Любашка стала ему как дочь. В былые годы Федор был балагур, любил байки травить, кода комбайнеры собирались на полевом стане во время короткого отдыха, не прочь был поддеть кого-нибудь для общего смеха, часто подтрунивал над бабенками, которые садились с термосами от него подальше. Да и внешне он был похож на Жванецкого, и когда все катались со смеху, был невозмутим.

Если дородная бригадная повариха Татьяна, к примеру, раздавала мужикам пироги с ливером, с крупную ладонь, пышные и зажаристые, Федор брал два, складывал их площ-

мя, говорил: « С натуры», – и отходил, а мужики уже давились и ржали, как жеребцы, и раскрасневшаяся от жара Татьяна напрасно пыталась достать Федора половником :

– Да че б ты понимал! Я даже лосиные губы готовила для делегации! – кричала повариха, отстаивая свои кулинарные способности.

– Дык и я про губы, – парировал Федор, а смех грохотал все сильней.

И вот в один из страдных поздних вечеров с Федором приключился казус по приезде домой, о котором он сам поведал своим товарищам... Осенний вечер был тусклым и промозглым, ветер швырял мелким, противным дождем, и Валентина пораньше истопила баньку по-черному (жили они с Федором тогда еще в плотниковском домишке на самой окраине) – знала, что косовицу бросят пораньше. А в это время беспутный алкаш Ванька Меклер рыскал по селу в поисках – чем поживиться, самогонки ему в долг не давали, жрать хотелось, и замерз, как собака. В те времена живности было в каждом дворе, и Ваньке не стоило большого труда спереть молодого гуся. Спереть-то спер, а куда с ним деться? ... К Силачевым – в баню. Устроился Ванька на полке, отогрелся сначала, собрался за дело приняться, благо кипяток под рукой. Да не подумал, что люди еще не мылись, хоть и темно, а время-то раннее. А в это время Валя выпроваживала в баню Федора с веничком березовым и чистыми кальсонами. Заходит Федор в баню и обомлел... на полке гусь бе-

лый и молвит ему человеческим голосом: «Здравствуй, Федя» «Здравствуй, тега», – ответил Федор на приветствие гусака, и почувствовал опускающуюся тяжесть в исподних. Где было знать хозяину, что это приветствует его начисто перепуганный Ванька, застуканный на месте преступления – с улицы в бане хоть глаз коли.

А между тем Валентина сновала от печки к столу: резала ломти от домашней круглой булки, поливала постным маслом капусту с кружками лука и законную рюмочку налила – все, как Федя любит, осталось только щец налить, но это попозже, а то простынут.

Что-то долгонько нет Федора. У Валентины вдруг екнуло что-то внутри: ни к Маруське – ли – Пузырихе сбежал как в позапрошлый год?! Выскочила во двор – в бане живым не пахнет, и помчалась, не разбирая тропинки по крапиве и лебеде к Маруськиному дому. Вот и окошко незашторенное. Дух перевела, заглянуть боится. Осмелилась, посмотрела... Тьфу! За столом Ванька Меклер сидит, самогоночкой угощается. Побрела назад, а тревога не отпускает. И вдруг слышит: кто-то всхлипывает так жалобно – из бани, кажись. Подходит со страхом.

Двери в баню распахнуты, теплом не пахнуло —давно прогрели в каменке угли, а на пороге Федор сидит...

Утром про этот случай уже знала вся деревня. Видно, Ванька, перепугавшийся не меньше, Федора, пожаловался Маруське. А Маруську хлебом не корми, только бы посплет-

ничать, более того – показать свой козырь, что мужики ее не обходят стороной.

Когда Федор приехал на бригаду, сразу понял, что мужики в курсе и как-то напряженно молчали. И только в обед обстановка разрядилась.

Подойдя к раздаточному окну присмиривший балагур приветливо произнес :

– Здравствуй, Таня.

И тут Татьяна, решив отыгаться за прошлые обиды, картинно подперев свои выпуклые бока, громко выкрикнула ответное приветствие :

– Здравствуй, Тега! Портки-то поменял?

После этого случая Федор стал каким-то другим, присмирел что ли. Налево больше не ходил, остальные годы с Валею душа в душу прожил... и вот хоронят Федора. Был человек и нет, а байка о нем останется.

Логарифмическая линейка

Я всегда ждала ее, любимую бабу Дусю, а она появлялась как-то внезапно со связкой баранок на шее, с полотняным мешочком любимых «Батончиков», с химической завивкой на начинающей сесть голове, с толстоватым носом, всегда покрыты бисеринками пота, делавшим ее лицо веселым, даже немного смешным.

Самыми радостными для меня были дни, когда баба Дуся соглашалась взять меня погостить в город. Она жила в коммуналке в доме барачного типа на четвертом этаже вместе со своей матерью Поленькой и взрослой дочкой Тамарой. Эта городская квартира казалась мне хоромами, хотя представляла собой одну комнату с углом, отгороженным ширмой под кухню. Я любила наблюдать за городом из распахнутого окна с неизмеримой, как мне казалось, высоты: за спешащими куда-то людьми, за вереницами машин и с шумом проходящими трамваями.

Баба Дуся работала на заводе, старуха исчезала на целый день, Тамара уходила на службу. Вечера я ждала с нетерпением, потому что с возвращением бабы Дуси дом оживал, и сразу материализовались все члены семьи. Баба Дуся, потому как стояла летняя жара и в доме не было мужчин, расхаживала по комнате в розовых панталонах, дымя неизменной «беломориной», что-то весело рассказывала и одновременно

менно накрывала на круглый стол. Я заранее знала, что будет обязательно чай с лимоном и шоколадное масло (от нашей Зорьки такое не получалось).

Когда наступал момент моих проводов домой – а отправляли меня попутным рейсом или с кем-то из знакомых – баба Дуся начинала собирать подарки. Это были Тамарины платья, почти новые и модные, для моих старших сестер, брюки для Шуроньки, моего отца (Поленька была хорошей портнихой) и много всякой другой всячины. Мне как-то подарили даже ручные часы с браслетом, кругленькие – «Чайка», но после, когда я уже училась в 8 классе. Это сейчас часы – предмет ежедневной необходимости. В то, далекое время – это была роскошь, мало кому доступная, тем более в юном возрасте. Это как мобильник для нынешней третьеклашки!

...И вот основной подарок – логарифмическая линейка для старшего брата. Я не знала, что это такое и никогда не видела этот предмет. Передо мной лежала продолговатая коробочка серой «кожи», которую велено было бережно доставить по назначению. Уже в пути, сгорая от любопытства, коробочку я все-таки открыла. То, что я увидела, меня не поразило никак. Меня поразила запах, который я сразу ощутила – не запах кожи, дерева, пыли или стекла, а какой-то незнакомый, сладкий и мягкий, даже вкусный аромат. Математический прибор источать его просто не мог!

Когда я приходила из школы (а приходила я раньше старших), еще не сняв форму, я открывала заветную коробочку

и вдыхала аромат «линейки».

Прошло много лет. Однажды в наш сельский продмаг завезли бананы. До этого в деревне никто не видел этого фрукта. Отстояв очередь, купила и я связочку невзрачных серо-зеленых некрупных плодов (они явно были незрелые), ничем особо не пахнущих. А купила, потому что все покупали то, что привозили в магазин. К тому же в очереди получила совет: положить их к батарее – дозреть. И вот, когда наступил день отведать экзотического фрукта, я сняла побуревшую кожицу и ощутила запах... логарифмической линейки! Я не могла поверить, что наконец-то мне открылся секрет того аромата из детства. Я не знаю, где баба Дуся достала линейку (именно достала!), быть может, ее везли издалека в коробке с бананами, но запах был именно тот, неповторимый, преследующий меня долгие годы. Теперь я очень люблю бананы. Это мой любимый фрукт с запахом логарифмической линейки, с запахом детства, возвращающим меня к воспоминаниям о любимой бабе Дусе, которой давно нет, как нет и Поленьки и Тамары.

Я храню память о дорогих людях, которых считала самыми близкими своими родными. Но уже будучи взрослой, узнала, что родства между нами не было.

Еще во время коллективизации Поленьку сослали в сибирскую деревню, и она подружилась с моей бабушкой, по отцу, Валею. Баба Дуся подружилась с моим отцом и тетей Клавой (вместе работали в войну на лесозаготовке), Та-

мара позже стала дружить с моей старшей сестрой... Вот такие сложились отношения на долгие годы – годы преданной дружбы. Так могли относиться друг к другу люди, пережившие все лихолетье, не растеряв доброты, уважения и просто человеческого тепла, всегда готовые поддержать друг друга в трудное время. Эти люди навсегда останутся для меня самыми родными, пусть не кровными, но дорогими моему сердцу.

Старший внук как-то спросил :

– Ба.., почему ты бананы любишь?

– Потому что пахнут они логарифмической линейкой, – ответила Тимке, и не было предела его недоумению, – да и линейки такой он никогда не видел.

Часики

Катюшка весело бежала возле идущей торопливым шагом матери. Хоть и боялась отстать, нет-нет да отбежит: то гроздочку боярки спелой схватит и не уколется, то за бабочкой погонится, зная, что не поймает, то какое-нибудь стеклышко подберет (вдруг цветное – стеклышки все девчонки собирают, чем рисунка больше, тем ценнее). Она всегда радовалась, когда мама разрешала ей пойти с ней на работу. А сегодня особенно, потому что Катюшке, наконец-то, купили часики, игрушечные с браслетиком, только стрелочки разом вертятся – и большая и маленькая, когда заводилочку крутишь. А так, как настоящие, как мамыны! Мама опаздывать не любит – вот и поглядывает на часы. Как только она руку поднимает, чтобы время глянуть, так и Катюшка ее копирует – на свои часики смотрит. Вот придут они, а тетя Эльза с тетей Зиной будут часиками восхищаться и у нее время спрашивать. Но Катюшка-то уже большая, понимает, что они шутят.

Мама работала птичницей на птицеферме. Катюшке было непонятно, почему ферма – на ферме. Вот когда у Верки спрашивают, где ее мама работает, она же не говорит: «на телеферме», а просто – «телятницей на ферме».

Спустя много лет она разберется, чем отличается ферма и от фирмы, когда хозяйство на ее родной земле прой-

дет долгий путь от колхоза «Большевик» через Агрофирму «Племзавод «Ирмень» до современного, знаменитого на всю Россию, ЗАО «Ирмень», производящего самого высокого качества молоко, йогурты, сметану и даже кумыс, колбасные и хлебобулочные изделия.

А пока ее поражала эта самая птицеферма – огромное помещение базового типа на окраине села, у самого леса. Места здесь красивые, тихие, воздух чистый, хоть пей, травы Катюшке по шейку. Мама всегда опасалась, что Катюшка заблудится в этих травах, собирая цветы или ягоды.

Видно, курочкам и нужны такие места – привольные. Это зимой они содержатся в помещении в просторных клетках-вольерах, где им корм раздают, где они водичку пьют из автопоилок. Берешь обыкновенную банку с водой и переворачиваешь на пластмассовое блюдечко с желобком – вот они и пьют, а из банки столько выльется, сколько курочка выпьет, и не прольется ни капельки. Кормежка – самый интересный процесс: засунет Катюшка руку в большую кучу пшена в тамбурке, а там тепло, как в печке. Птичницы специальную мешанку курочкам готовят, со жмыхом и рыбьим жиром. Катюшка этот жмых, твердый и коричневый, сколько раз грызла, пока мама не видит. Нет, не кормежка самое интересное, а сбор яиц все-таки. Катятся они по транспортерной ленте бесчисленно, только успевай – подхватывай, и Катюшка хватает, торопится – все маме помощь! Бывало, раздавит одно невзначай, но ее не ругали. Нет, опять Катюшка

поторопилась про главное сказать. Главное – это все же цыплятки. Которые только из инкубатора, сидят в ящиках бордового цвета, размером с телевизор, и в каждом ящике ровно столько круглых дырочек-отверстий, сколько цыпущек в «сундуке». А еще лучше, когда им неделька исполнится. Сгребутся они в большую пушистую желтую кучу и греются под брудерными лампами с зеркалами на пахнувших новым годом опилках, лапки потягивают, одно крылышко в сторону, как зарядку делают. А в это время мама и другие птичницы рубят им большими ножами крутые яйца, только шум стоит, и опять же с пшеном мешают. Как появятся с тазиками еды, цыплячья куча на глазах разваливается, и такой писк стоит, хоть уши затыкай...

Управились. Когда мама мыла руки, часы свои снимала, не дай Бог, вода попадет, точно так и Катюшка сделала – свои часики сняла, положила на краешек желобка, по которому водичка бежит, чистая, как родничок. Сейчас они поужинают. Еда здесь вкусней, чем дома. Кофе из цикория с молоком, с комковым сахаром вприкуску, яички, конечно, да еще, чем Бог послал – это значит: кто что из дома принес. Тетя Эльза с тетей Зиной домой уйдут, а Катюшка с мамой останутся в ночную – так по графику, потому и не отстала она сегодня от матери, с ней маме не так страшно будет. Хотя кроме их еще есть кочегар, дядя Саня Малинин и сторож – не знает как звать. Ночью за курочками лисы приходят, несколько раз утаскивали, а если сторож успеет паль-

нуть, лиса бросит раненую курочку и была такова.

Вот и ночь. Глухо загрохотало вдали. Видно, гроза будет. А если гроза, то еще страшней.

– Ложись, Катюша, поздно уже (это мама специально, чтоб Катюшка до грозы уснула, не боялась), – сказала мама и на часы посмотрела.

Привычным движением задрала рукавок, по-маминому,.. а часиков-то нет! Забыла у желобка. Тут не до грозы. Побежали они по длинной галерее птичника к тому месту, где руки мыли, молнии уже полнеба освещают – светлее, но совсем страшно. Вот и «родничок»...нет часиков. Не лиса ж их стащила! А кто тогда? Не могла мама ответить на Катюшкин вопрос. А она почему-то подумала: кочегар, лысый он и грязный, кочегар он и есть кочегар, и на кощья смахивает.

Катюшка не могла заснуть – часики жалко. Наверное, у него внучка есть – думала Катюшка про себя. А мама гладила ее по голове и говорила :

– Я тебе с полочки новые куплю, лучше, чем были.

Валенки

В ту осень наших парней забирали в Армию каждый день. С нашей Советской улицы – 8 человек. Каждый день мы шли к кому-нибудь на проводы. Устали. Учились в 10 классе. Сами понимаете, что это значит. А моя подружка Людка – в Бердске в техникуме. Естественно, приехала и она провожать своего любимого Петю. Казалось, любовь у них была необыкновенная. Людка ревела белугой, как будто на фронт провожала. Мы, подружки, как могли, утешали.

Закончились ноябрьские праздники: все улеглось, успокоилось. Люда уехала. Вскоре от солдат стали пачками приходить письма. Из Березняков, Немчиновки, Алейска... Я не успевала бегать к почтовому ящику – писали все: Ляба, Слон, Чомба, Сова. Все для меня одинаково были друзьями. Лишь подругу заваливал письмами только Петька. А Людка все чаще, на удивление нам, стала приезжать модная: то в шапочке, вязанной петлями наизнанку, то в юбке с разрезом по самое не хочу...

Незаметно пролетели два года. Мы повзрослели, и теперь уже не успевали встречать наших защитников Отечества. Вернулся и Петька, мой сосед, да и жених подружкин – почти родня. Побыл со своими старыми родителями и отправился к Людмиле с предложением руки и сердца – так и сказал мне. Нескоро отыскал сельский парень в незнакомом городе

свою возлюбленную. Новосибирск-то нам ближе, роднее. Зашел в здание Радиотехникума, стал девчонок спрашивать, те быстро сообразили – и Людку искать.

– Там тебя мужик какой-то – деревня спрашивает! – и ржут...

В конце ноября морозы стояли под 30. Петька был в видавшем виде зимнем пальто и... в валенках, черных катанках с отворотами. Люда встретила его смущенно и холодно, застеснялась его видом перед подружками-модницами.

Любовь у подруги к парню пропала, и Петька, конечно, понял это при встрече. Да и была ли это Любовь, заливаемая слезами два года назад, если ее зачеркнули простые деревенские валенки?!

Прошел еще год. Люда по окончании техникума не нашла работу по специальности.

Вернулась в село, вышла замуж за простого деревенского парня, но за другого, обзавелась домом, хозяйством, скотиной. Иногда по двору рассекает в галошах, а зимой на работу – в валенках...

А Петя, задетый пренебрежением, наоборот, уехал в город, овладел хорошей профессией (работал мастером на заводе), женился на городской девушке, воспитал двух дочек, теперь уж и внуки есть.

Когда, в очередной раз навещая опустевший родительский дом, мимо моих окон проходит импозантный городской мужчина с солидной сединой на висках и, приветливо кивая,

С поклоном здоровается с нашим семейством, я вспоминаю
...валенки.

День дурака

В граверную Сашу привел начальник цеха Стас, по отчеству почему-то его никто не называл. Это был молодой человек приятной внешности, с обаятельной улыбкой, немного балагур с украинским говором.

– Знакомьтесь. Саша Барышникова, дочка известного вам диктора телевидения.

Саша немного смутилась. Бориса Барышникова как диктора TV она знала (да и было их в то время на сибирском телевидении три – вместе с Целешевой и Батуриной), но дочкой, естественно, его не была. Потом, спустя время, когда ехали на уборку картошки в какой-то пригородный совхоз на открытой грузовой машине по грязной дороге, Саша спросила, почему он так представил ее. Но Стас, расхотавшись, уже кричал шоферу, стуча по кабине :

– Дави! Я плачу! (На дороге в очередной луже плавало невозмутимое стадо гусей).

Тут же повернулся и серьезно сказал :

– А шоб тебя зарекомендовать.

В этом был весь начальник. Не зря, наверное, по Стасу сходили с ума молодые электромонтажницы, контролерши и сортировщицы.

Саша окинула взглядом женщин. Каждая из них восседала на круглом вертящемся стуле у своего рабочего агрегата,

в то время, как открылась дверь, они, как по команде, развернулись и уставились на новенькую, изучающе рассматривая ее. Позднее Розалия говорила, что только она не поверила очередному розыгрышу Стаса. Но Саша сразу поняла, что поверили все.

– Итак, Ольга Сергеевна Наврос, мастер производственного участка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.